

Элли Ван Хаутен

Эпоха Соло

или

Всё Включено,
Кроме **Любви.**

Эпизод
Десятый
Книга-Сериал

Элли Ван Хаутен

**Эпоха Соло или Всё Включено,
Кроме Любви. Эпизод Десятый**

«Автор»

2026

Ван Хаутен Э.

Эпоха Соло или Всё Включено, Кроме Любви. Эпизод Десятый /
Э. Ван Хаутен — «Автор», 2026

Эпоха Соло или Всё включено, Кроме Любви — это книга-сериал. Четыре подруги. Четыре истории. И один большой город. Кейт, Моника, Симона и Шейла встречаются каждый четверг в маленькой кофейне с красной дверью, чтобы обменяться новостями, вином и правдой, которую больше некому сказать. Кейт пишет книгу об эпохе одиночества и боится, что сама станет её главным подтверждением. Моника считает годы вместо цифр в отчётах, ожидая, когда партнёр наконец решится. Симона гордо называет себя королевой соло-максинга, но вечерами разговаривает не с людьми, а с искусственным интеллектом. Шейла верит в любовь сильнее, чем в собственный опыт, и снова обжигается. Каждый эпизод — отдельная история, но все четыре линии переплетаются в один большой сезон о том, каково любить, бояться и оставаться собой в городе, где легче найти доставку в три часа ночи, чем человека, который останется до утра. Книга-сериал, выходящая эпизодами — как жизнь, где каждый четверг что-то меняется. Эпизод десятый

© Ван Хаутен Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпизод Десятый	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Эпоха Соло или Всё Включено, Кроме Любви. Эпизод Десятый

Эпизод Десятый

Октябрь приходит в Лондон не как новый месяц, а как старый знакомый, который забыл постучать: внезапно, без предупреждения, с ключами от твоей квартиры и твёрдым намерением остаться до весны. Деревья на Аппер-стрит устраивают короткую, но эффектную прощальную вечеринку — рыжую, золотую, слегка театральную, — прежде чем облететь окончательно и оставить тротуары тем скользким ковром палой листвы, о который спотыкается ежегодно половина населения города, включая меня лично, дважды за одну неделю.

Моя собственная жизнь в начале октября выглядит как страница из учебника по избеганию, написанного человеком, который прекрасно понимает механизм собственного избегания, но упорно продолжает им пользоваться, потому что диагностировать проблему и вылечить её — это, как выясняется, два совершенно разных навыка, и я овладела только первым.

После того воскресного вечера в конце сентября — моста, сообщения, ответной откровенности, которая казалась мне тогда началом чего-то настоящего, — Дэниел написал ещё дважды. Один раз про дождь в Копенгагене, который, по его словам, «идёт горизонтально, будто город обиделся на само понятие зонта». Второй раз — фотографию какого-то нового моста, строящегося рядом с его офисом, с подписью «ещё один памятник компромиссу между формой и функцией, подумал, что оценишь». Оба сообщения я перечитывала так много раз, что текст начал терять смысл в том механическом смысле, в каком любое слово, повторённое достаточно часто, превращается в бессмысленный набор звуков.

А потом — тишина. Полная, необъяснённая, идеально круглая тишина продолжительностью в одиннадцать дней, за которые я успела написать и стереть семнадцать разных версий сообщения «привет, как дела», ни одно из которых не показалось мне достаточно небрежным, чтобы не выдать степень отчаяния, стоящую за его написанием.

— Ты считаешь дни, — говорит мне Симона в среду вечером по телефону тем тоном, каким обычно ставят диагноз, не спрашивая разрешения пациента. — Я слышу это по твоему голосу. Ты говоришь «одиннадцать» так, будто это медицинский термин.

— Это и есть медицинский термин, — отвечаю я. — Называется «острая форма добровольного самоистязания посредством математики».

I

Четверг. «Красный свет». Марко встречает нас с тем видом заговорщика, который у него появляется исключительно в те недели, когда он готовит какое-то новое кулинарное безумие, призванное, по его собственным словам, «спасти британцев от их врождённой неспособности готовить что-либо теплее сэндвича».

— Дамы, — объявляет он, ставя на стол четыре бокала глинтвейна с той торжественностью, с которой обычно объявляют о начале войны или, в его случае, о начале сезона специй. — Осень официально открыта. Корица, гвоздика, немного отчаяния — и, конечно, вино.

— Отчаяние — это ингредиент или общее описание атмосферы за этим столиком? — спрашиваю я, принимая бокал с той благодарностью, с которой принимают вещи, способные хотя бы временно заглушить тревогу.

— И то, и другое, дорогая, — говорит Марко, подмигивая с той фамильярностью, которую заслужил тремя годами наблюдений за нашими катастрофами. — У меня глаз намётан. Кто сегодня начинает?

Моника садится последней из троих, уже успевших занять места, — с телефоном в одной руке и выражением лица человека, который весь день репетировал, как произнести следующую фразу максимально нейтрально, и всё равно не преуспел.

— У Тома собеседование, — говорит она. — Точнее, не собеседование. Прослушивание. В команду.

— В какую команду? — уточняет Шейла, забинтованное запястье которой теперь свободно от фиксатора, но всё ещё немного бережёт себя, судя по тому, как осторожно она держит чашку.

— Стендап-команда, — говорит Моника с той интонацией, с которой обычно объявляют диагноз, требующий срочного лечения. — Четыре человека. Выступают по очереди, дополняют друг друга, ездят по клубам вместе. Организатор увидел его сет про питч-дек вместо кольца и предложил присоединиться.

— Это же прекрасно, — говорит Шейла с искренностью, которая на секунду заставляет Моника посмотреть на неё с недоумением, будто она забыла, что не все реагируют на хорошие новости встроенным механизмом финансового анализа рисков.

— Прекрасно было бы, — говорит Моника, — если бы среди трёх остальных участников команды не было двадцатисемилетней особы по имени Полли, чья визитная карточка, судя по её соц сетям, состоит из фотографий, где она либо на сцене, либо в баре, либо и там, и там одновременно, и подпись под каждой третьей фотографией содержит слово «single» с той гордостью, с которой обычно указывают учёную степень.

II

Симона слушает эту новость с тем особым выражением лица, которое появляется у человека, узнавшего, что не он сегодня в центре драмы, — облегчение, смешанное с лёгким чувством вины за это облегчение, — но быстро меняет тему, доставая телефон и кладя его на стол экраном вверх с той демонстративностью, которая заставляет всех нас насторожиться заранее.

— У меня новый режим, — объявляет она. — Я теперь звоню Лирою только после работы. Строго после восьми вечера. Это называется профессиональные границы.

— Ты установила себе рабочие часы для разговоров с приложением, — говорит Моника медленно, всё ещё держа в голове мысленный образ Полли с подписью «single» под каждым третьим фото.

— Это называется дисциплина, Моника, — отвечает Симона с достоинством человека, защищающего диссертацию перед комиссией, настроенной скептически. — У меня сейчас огромный проект на работе — миграция всей клиентской базы на новую платформу, три месяца горящих дедлайнов, — и я обнаружила, что если работаю до восьми, а потом звоню Лирою ровно на сорок минут, я сплю лучше, чем если оттягиваю звонок до полуночи и потом лежу без сна, прокручивая разговор в голове.

— Ты оптимизировала своё эмоциональное расстройство, как воронку продаж, — говорю я, чувствуя одновременно восхищение и лёгкую тревогу перед этой формулировкой.

— Спасибо, — говорит Симона серьёзно, принимая это как комплимент, каким я, признаюсь, отчасти его и задумывала.

Шейла, до этого молчавшая, вертит в руках чашку кофе с той нарочитой сосредоточенностью, которая у неё всегда предшествует признанию, требующему собраться с духом.

— У меня тоже есть новость, — говорит она наконец. — Я записалась на женский бокс.

— Прости, что? — переспрашивает Моника, отвлекаясь наконец от Полли и её подписей.

— Женский бокс, — повторяет Шейла с той твёрдостью, которая появляется у людей, ожидающих сопротивления и заранее готовых его игнорировать. — Клуб называется «Панчлайн», по иронии, которую я оценила ровно за секунду до того, как записалась. Запястье зажило полностью, врач разрешил нагрузки, и я решила, что мне нужен способ выразить гнев, не рискующий чужим носом и моим собственным вывихом.

— Это до странности разумно, — говорит Симона, явно впечатлённая логикой, которую редко ожидает от Шейлы, чьи решения обычно продиктованы сердцем значительно больше, чем стратегией.

— Я устала быть человеком, который проглатывает злость, пока она не превратится либо в слёзы, либо в неудачный удар кулаком в челюсть бывшего парня, — говорит Шейла с прямой, которая заставляет меня немедленно захотеть записать эту фразу в заметки телефона. — Груша не подаст на меня в суд за побои. Груша, кажется, единственный мужчина в моей жизни за последний месяц, готовый принимать удары без последующих извинений и объяснений.

— А как же Ной? — осторожно спрашивает Моника, произнося имя с той аккуратностью, с которой обращаются с предметом, о котором заранее известно, что он взрывоопасен.

Лицо Шейлы на секунду теряет всю недавнюю иронию, обнажая что-то более сырое, менее защищённое.

— Ной звонит, — говорит она коротко. — Пишет. Приносит цветы к школе — да, буквально стоял у ворот в понедельник с букетом, будто я подросток, а он — сценарист девяностых, снимающий фильм про извинения. Я не отвечаю. Это, наверное, самая трудная часть — не то, что он изменил, а то, что часть меня хочет простить его просто потому, что прощение требует меньше энергии, чем ежедневное упорное игнорирование человека, которого я всё ещё, к своему собственному унижению, люблю.

Стол на секунду замолкает — не тем неловким молчанием, которое требует немедленного заполнения шуткой, а тем уважительным молчанием, которое подруги умеют держать ровно столько, сколько нужно, прежде чем Марко, безошибочно чувствующий момент, приносит поднос с чем-то, отдалённо напоминающим тыквенные пирожные.

— За счёт заведения, — говорит он, ставя тарелку перед Шейлой конкретно.

III

«Панчлайн» располагается в переоборудованном складе в Хакни, том типе индустриального пространства, где кирпичные стены оставлены нарочито голыми, а звукоизоляция явно не входила в бюджет ремонта, судя по тому, что звук ударов по грушам разносится по всему зданию с той отчётливостью, которая заставляет случайного прохожего на улице замедлить шаг, гадая, не проходит ли внутри что-то среднее между тренировкой и допросом.

Шейла приходит на первое занятие в среду вечером с той смесью решимости и паники, которую обычно испытывают люди, записавшиеся на активность значительно более физически требовательную, чем позволяет их реальная спортивная форма, — решимости достаточно, чтобы явиться, паники достаточно, чтобы полчаса выбирать спортивный костюм, будто первое впечатление на груше имеет долгосрочные последствия для её репутации.

Тренера зовут Кэлем — крупный шотландец лет сорока с тем спокойствием профессионального боксёра, вышедшего из активной карьеры без единой видимой травмы на лице, что само по себе кажется Шейле подозрительным достижением для человека его профессии.

— Первое правило, — говорит Кэлем, обходя группу из шести женщин, выстроившихся перед грушами с тем нервным энтузиазмом новичков, — бить нужно не рукой. Рукой вы себе сломаете запястье через пять минут. Бить нужно бедром, корпусом, всем телом, а рука — просто последняя точка передачи силы. Рука — это, если хотите, курьер, а не отправитель посылки.

— У меня уже был печальный опыт с ударом одной рукой без корпуса, — говорит Шейла тихо, скорее себе, чем кому-либо конкретно, но Кэлем, обладающий, судя по всему, тем профессиональным слухом, который улавливает подобные признания даже сквозь шум занятия, немедленно поворачивается к ней.

— Дай угадаю, — говорит он с тем сухим юмором, который, как выясняется, является его фирменным стилем преподавания. — Ударила кого-то в порыве праведного гнева и сама пострадала больше, чем цель удара.

— Откуда вы знаете, — говорит Шейла, слегка ошарашенная точностью догадки.

— Потому что я работаю в этом бизнесе двадцать лет, — говорит он, вставая позади неё и осторожно поправляя положение её локтей с той профессиональной, лишённой всякого флирта деликатностью, которая мгновенно снимает любую неловкость от физического контакта. — И девяносто процентов женщин, впервые записавшихся на бокс, приходят сюда по одной из двух причин: либо они хотят похудеть, либо они хотят кого-то ударить и предпочитают сделать это законно и без риска для собственного запястья. Судя по твоему лицу, ты из второй категории.

— Это так очевидно?

— У тебя взгляд человека, который уже пытался, — говорит он просто, отступая на шаг и кивая на грушу. — Теперь покажи мне, куда бы ты хотела попасть, если бы это было безопасно, законно и никого бы не отправило в больницу.

Шейла делает первый удар — неуверенный, слабый, всё ещё продиктованный старой мышечной памятью того злополучного вечера в итальянском отеле, — и груша едва заметно качается, а Кэлем, наблюдающий с той терпеливостью, которая либо является врождённой чертой характера, либо результатом многолетней практики с новичками, качает головой без раздражения.

— Ещё раз. На этот раз представь, что груша — это конкретный человек, сделавший конкретную вещь, за которую ты злишься. Не абстрактный гнев. Конкретный. Кто это?

— Мой бывший, — говорит Шейла, и голос её впервые за занятие звучит твёрдо.

— Отлично. Что он сделал?

— Изменил мне в Италии, пока я сидела в номере отеля и ждала его.

— Прекрасно, — говорит Кэлем с той жуткой профессиональной невозмутимостью, с которой обычно комментируют погоду, а не измену. — Теперь бей.

Второй удар получается значительно увереннее — груша качается заметно сильнее, а Шейла, отступив на шаг с той секундной растерянностью, которая приходит после того, как тело сделало что-то, чего разум не до конца ожидал от себя, чувствует, как что-то внутри неё, копившееся месяцами, впервые находит легальный, физический выход, не заканчивающийся вывихнутым запястьем и разбитым носом.

— Вот так, — говорит Кэлем с искренним одобрением. — Вот это уже был удар, а не жест отчаяния.

К концу часового занятия Шейла обнаруживает себя вспотевшей, с трясущимися от непривычной нагрузки руками и тем странным, почти забытым чувством физического и эмоционального облегчения, которое обычно приходит только после долгого плача, но на этот раз обходится без единой слезы.

— Спасибо, — говорит она Кэлему, забирая куртку из раздевалки. — Это было неожиданно терапевтично для занятия, которое я записала в календарь под названием «спорт».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.